

Концепт *aah* 'пиала' в лингвокультуре калмыков

Галина Б. Есенова, Тамара С. Есенова

Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, Российская Федерация

В статье анализируется «*aah*» 'пиала' как концепт калмыцкой лингвокультуры. Теоретико-методологическую основу статьи составили положения российской лингвоконцептологии. Источниковой базой выступил языковой материал, извлеченный методом сплошной выборки из существующих лексикографических источников калмыцкого языка, словарей родственных языков, а также материалы эссе, записанные респондентами-калмыками в июле 2025 г. в г. Элисте (Калмыкия).

Установлено, что в калмыцком языке концепт «*aah*» 'пиала' имеет вариативное выражение, характеризующее «*aah*» с точки зрения: а) материала, б) формы, в) размера, г) функции. В современной калмыцкой речи наиболее часто используемыми обозначениями являются лексемы «*aah*» и «*шаазн*», именем концепта — «*aah*». Ядро концепта — лексема «*aah*»; системные синонимы — «*цөгц*», «*шаазн*», периферия — «*бадр*», «*мандл*», «*савл*», «*тагш*», «*цоома*», «*цар*».

Понятийное содержание концепта: чашка, предназначенная для чая, подношения на алтаре, сделанная из дерева, фарфора, фаянса. Перцептивно-образная сторона концепта: целая, чистая чашка, до краев наполненная чаем, ассоциирующаяся со счастьем. Ценностный компонент неразрывно связан с содержимым «*aah*» — «*цэ*» 'чай', который относится к «*цаһан идэн*» 'белая, счастливая пища', и указывает на важное место концепта в культуре калмыков. Это объясняет использование «*aah*» в обыденной жизни калмыков, знаковых ритуалах, обычаях, поведенческих установках, текстах. В сознании современных калмыков «*модн aah*», «*мөңгн aah*», «*агч aah*» ассоциируются с кочевым прошлым народа, мужчинами-скотоводами, воинами, «*цөгц aah*» — духовной сферой.

В концепте «*aah*» 'пиала' отражаются особенности кочевой жизни калмыков, природная среда, верования, контакты с другими народами, образ мышления. Концепт прошел длительный период «оязыковления» и осмысления в лингвокультуре, сохранив за собой статус глубоко этнического, культурно нагруженного знака.

Ключевые слова: калмыки; калмыцкий язык; калмыцкая культура; материальная культура; концепт культуры; *aah*; пиала; компонент концепта

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00703 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с домашней утварью и посудой: сравнительно-исторический аспект».

Для цитирования:

Есенова Г. Б., Есенова Т. С. Концепт *aah* 'пиала' в лингвокультуре калмыков // Новые исследования Тувы. 2025. № 4. С. 417-435. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>

Есенова Галина Борисовна — кандидат филологических наук, ведущий специалист научного отдела Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_gb@gmail.com

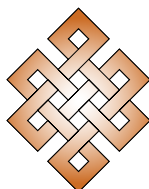
Есенова Тамара Саранговна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания, русской и зарубежной литературы гуманитарного факультета Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Адрес: 358000, Россия, г. Элиста, ул. Пушкина, д. 11. Эл. адрес: esenova_ts@mail.ru

ESENOVA, Galina Borisovna, Candidate of Philology, Leading Specialist, Scientific Department, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000, Russia. E-mail: esenova_gb@gmail.com

ESENOVA, Tamara Sarangovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Language and General Linguistics, Russian and Foreign Literature, Faculty of Humanities, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Postal address: 11 Pushkina St., Elista, 358000, Russia. E-mail: esenova_ts@mail.ru

ORCID: 0009-0004-3001-0100

ORCID: 0000-0001-7655-7751

The Concept of *aah* 'piala' in the Linguoculture of the Kalmyks

Galina B. Esenova, Tamara S. Esenova

Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Russian Federation

The present article analyzes “aah” ‘piala’ (“bowl”/“cup”) as a concept of Kalmyk linguoculture. The theoretical and methodological basis of the study comprises the principles of Russian linguistic conceptology. The source material consisted of language data extracted through continuous sampling from existing lexicographic sources on the Kalmyk language, dictionaries of related languages, as well as essay materials recorded from Kalmyk respondents in July 2025 in Elista (Kalmykia).

It is established that in the Kalmyk language, the concept of “aah” ‘piala’ exhibits variability of expression, characterizing “aah” in terms of a) material, b) form, c) size, d) function. In contemporary Kalmyk speech, the most frequently used denotations are the lexemes “aah” and “shaazn”, with the name of the concept itself being “aah”. The core of the concept is the lexeme “aah”; systemic synonyms include “tsögts”, “shaazn”; the periphery consists of “badr”, “mandl”, “savl”, “tagsh”, “tsoma”, and “tsar”.

The conceptual content of “aah” includes: a cup intended for tea, for offering on an altar, made of wood, porcelain, or faience. The perceptive and figurative aspect of the concept is a whole, clean cup filled to the brim with tea, associated with happiness. The value component is inextricably linked to the contents of “aah” — “tsä” ‘tea,’ which is classified as “tsakhan idän” ‘white, auspicious food’, and this underscores the importance of the concept in Kalmyk culture. This explains the use of «aah» in the daily life of the Kalmyks, in significant rituals, customs, behavioral codes, and texts. Among contemporary Kalmyks, “modn aah”, “möngn aah”, “agch aah” are associated with the nomadic past of the people, with male herders and warriors; “tsögts aah” — with the spiritual sphere.

The concept of “aah” ‘piala’ reflects features of the nomadic life of the Kalmyks, their natural environment, beliefs, interactions with other peoples, and mindset. The concept has undergone a prolonged process of “enlanguaging” and conceptualization in linguoculture, while retaining its status as a deeply ethnic, culturally significant symbol.

Keywords: Kalmyks; Kalmyk language; Kalmyk culture; material culture; concept of culture; aah; piala; component of a concept

Financing

The research was funded by the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00703 “Research on Turkic and Mongolian Material Culture Vocabulary Related to Household Utensils and Dishes: A Comparative Historical Aspect”.

For citation:

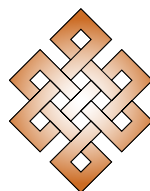
Esenova G. B. and Esenova T. S. The Concept of *aah* ‘piala’ in the Linguoculture of the Kalmyks. *New Research of Tuva*, 2025, no. 4, pp. 417–435. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.4.22>

Введение

Большой интерес для лингвистов представляет посуда и домашняя утварь, относящаяся к древнему пласту материальной культуры, который формировался под влиянием особенностей среды обитания, занятий, образа жизни этноса — того, как он осваивал природу и использовал ее богатства для своих потребностей. В том числе важным предметом материальной культуры кочевников является пиала.

С древних времен ею пользуются монгольские, тюркские и тунгусо-маньчжурские этносы, что отложилось в названии предмета в алтайских языках. Этим объясняется интерес лингвистов к анализу обозначений пиалы в составе названий посуды и домашней утвари как одного из древнейших пластов лексики тюркских и монгольских языков (Хайрутдинова, 2000; Замалетдинова, Хуснуллина, 2014; Нурмухаметова, 2014; Нурмухаметова, Хуснуллина, 2016; Рассадина, 2017; Рассадина, Трофимова, Тувшинтогс, 2017; Атакаева, 2017; и др.¹). Сходные обозначения пиалы с некоторыми фонетическими

¹ Ооржак А. Ч. Названия пиал/чашек в тувинском языке // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 355–357.

вариантами представлены в тюркских и монгольских языках: в тоф. *айак* 'большая чашка', 'миска'¹, алт. *айак* 'чашка'², баш. *ajak*³, уйг. *айақ* 'чаша, чашка'⁴, тув. *аяк* 'чаша, чашка, пиала'⁵, кирг. *аяк* 'чашка, чаша'⁶; монг. *аяга(н)* 'пиала; чаша, чашка; братина, миска'⁷, бур. *аяга* 'чаша, чашка, стакан'⁸, калм. *aah* 'пиала, чашка, чаша'⁹.

Необходимость проведенного исследования определяется важным местом пиалы в лингвокультуре кочевников Евразии. Так как ареал использования пиалы обширен и, вероятно, в каждом регионе существуют свои особенности ее функционирования, в данной статье мы ограничимся рамками Калмыкии.

Лексика посуды и домашней утвари содержит важные сведения о культуре калмыков, в прошлом кочевников-скотоводов, на ментальность которых определенное влияние оказал буддизм. Актуальность статьи определяется необходимостью лингвокультурологического анализа элементов материальной культуры калмыков, в частности, концепта *aah* 'пиала', отражающего специфику как материальной, так и духовной сферы калмыцкого народа.

Историография темы показывает устойчивый интерес лингвистов к лексике посуды и домашней утвари монгольских народов (Рассадин, Цыренова, 1996; Бальжинимаева, 2017; Карбушева, Лиджиев, 2021; и др.), в том числе в сравнительном освещении (Рассадин, 2017). Данный пласт лексики представлен в толковых словарях традиционного быта калмыков¹⁰, ойратов Монголии и калмыков¹¹. Вместе с тем посуда и домашняя утварь пока не рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте, с точки зрения того, как эта важная часть культуры осмыслена в лингвокультуре, как в ней отражаются картина мира этноса, его контакты с другими народами.

Цель исследования — обоснование *aah* 'пиала' как концепта калмыцкой лингвокультуры. Объект исследования — концепт *aah* 'пиала' в калмыцкой лингвокультуре. Предмет исследования — понятийный, перцептивно-образный и ценностный компоненты концепта *aah* 'пиала' в калмыцкой лингвокультуре.

Задачи: а) изучение понятийного содержания концепта *aah* 'пиала', б) анализ его перцептивно-образной составляющей, в) описание ценностного компонента концепта.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения современной лингвоконцептологии. При этом мы придерживаемся лингвокультурологического подхода к концепту, в рамках которого концепт понимается как ментальное образование, имеющее полевую структуру и включающее понятийную, перцептивно-образную, ценностную компоненты (Воркачев, 2004; Карасик, 2009; Красавский, 2001; Ламажаа, 2023; Слышкин, 2004; Степанов, 2004, 2007).

Источниковую базу работы составили языковые данные, извлеченные методом сплошной выборки из существующих лексикографических источников калмыцкого языка¹². Для сравнения привлекаются

¹ Рассадина В. И. Тофаларско-русский словарь. Русско-тофаларский словарь. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд., 1995. С. 14.

² Баскаков Н. А. Русско-алтайский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1963. С. 832.

³ Каримова Г. Р. Русско-башкирский словарь. М.: ГИС, 1954. С. 260.

⁴ Кибиров Ш., Цунвазо Ю. Уйгурско-русский словарь. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. С. 26.

⁵ Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. С. 80.

⁶ Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. М.: Советская энциклопедия, 1965. С. 86.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь : в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. I. С. 194.

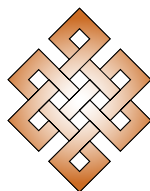
⁸ Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1951. С. 75.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 17.

¹⁰ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996.

¹¹ Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016.

¹² Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977; Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: НИП «Джангар», 2007; Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2; Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016.

данные из словарей других монгольских языков¹. Среди источников исследования также материалы эссе 27 респондентов-калмыков, представляющих людей разного возраста, пола, профессий (14 женщин и 13 мужчин, возраст от 36 до 82 лет, работающие в образовательной, сельскохозяйственной, строительной, правоохранительной сферах, а также домохозяйки и пенсионеры). Эссе — сочинения на тему «Ааһин тускар санхла, ухандм орна... 'Когда я думаю о пиале, я представляю себе...' — были записаны по нашей просьбе в июле 2025 г. в г. Элисте.

Методы анализа: лексико-семантический и этимологический анализ обозначений концепта *aah* 'пиала', интерпретативный анализ эссе и ценностно-маркированных единиц (фразеологизмов, пословиц, загадок, благопожеланий и др.), выражающих данный концепт.

Aah 'пиала' мы относим к важным культурно-значимым категориям ментального мира калмыков на основании того, что, во-первых, *aah* имеет вариативные языковые обозначения («синонимизацию слов», по Ю. С. Степанову, см.: Степанов, 2004: 44), часть из которых этимологизируется на монгольской языковой почве, а часть относится к заимствованиям из других языков, что указывает на продолжительное время бытования *aah* в калмыцкой лингвокультуре; во-вторых, *aah* имеет перцептивно-образное представление, по В. И. Карасику, «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами» (Карасик, 2009: 26); в-третьих, используется в культурно-маркированных контекстах, передавая особенности этнокультурного общения калмыков (в формулах традиционного этикета, благопожеланиях), регламентируя поведение людей в разных сферах и ситуациях общения; в-пятых, объективируется в разных материалах (дерево, металл, фаянс, фарфор). Сказанное дает основание считать *aah* концептом лингвокультуры калмыков. Его можно отнести к этнокультурным концептам, фиксирующим своеобразие культуры (Карасик, 2009: 28).

В том числе мы рассматриваем концепт *aah* 'пиала' как имеющий полевую структуру, в которой выделяются ядро и периферия. С точки зрения содержания в *aah* выделяются понятийный, перцептивно-образный и ценностный компоненты.

Понятийное содержание концепта

Лексико-семантический анализ собранного языкового материала позволил определить номинативное поле концепта.

Оно включает следующие единицы: *aah* 'пиала' 'чашка', 'чаша'², *тэклин ааһ* 'жертвенная чаша'³, *бадруст.*, *рел.* 'чашка для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами'⁴, *мандл рел.* 'блюдо для сбора пожертвований'⁵, *наальһи ааһ* 'неглубокая чашка'⁶, *наальһи сав* 'неглубокая чашка'⁷, *савл* 'чашка с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц)'⁸, *савл устар.* 'чашка с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц)'⁹, *тагиш* 'деревянная чашка', 'пиала'¹⁰, *цоома*

¹ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 2; Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. I; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. II; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. III; Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV; Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь. М.: ГИН, 1957; Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1951.

² Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 17.

³ Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. С. 236.

⁴ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 76.

⁵ Там же. С. 341.

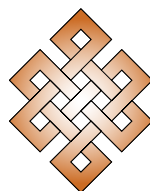
⁶ Там же. С. 365.

⁷ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129.

⁸ Там же.

⁹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 434; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

¹⁰ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283.

‘чаша (большая)’¹, *цоома* / *цөөмэ* ‘пиала’, ‘большая чаша’², *цар* ‘блюдец’³, *цөгц* ‘чашечка’, ‘чаша’, ‘чарка’⁴, *деежин цөгц* ‘жертвенная чаша’⁵, *шаазн* ‘пиала’, ‘чаша’, ‘посуда’⁶.

Номинативная «плотность» концепта свидетельствует о важности для лингвокультуры калмыцкого народа данного ментального образования. Ядро лексико-семантического поля концепта — лексема *aah*; системные синонимы — *цөгц*, *шаазн*, периферия — *бадр*, *мандл*, *савл*, *тагш*, *цоома*, *цар*.

Именем концепта, по нашему мнению, является существительное *aah*, поскольку оно: а) сочетается с разными словами, образуя словосочетания, детализирующие разновидности *aah*, б) участвует в словообразовании, образуя дериваты, связанные с *aah*, в) не имеет ограничений в дистрибуции с точки зрения сферы употребления и актуальности значения во временной перспективе, г) относится к исконной, общемонгольской лексике.

Рассмотрим последовательно языковые средства, обозначающие характеристики рассматриваемого концепта.

Aah

Обратимся к этимологическому анализу слова *aah*, который позволит обнаружить «исходную форму концепта» (Степанов, 2004: 43).

По данным Этимологического словаря монгольских языков, лексема *aah* восходит к старописьменному монгольскому АҮАҮА, рефлексам которого в современных монгольских языках являются: «халх., бур. *аяга*, калм. *aah*, дунс., бао. *jīḡa*, мнгр. *jaḡa* ‘чаша’, ‘чашка’, ‘кружка’; бур. *аяга* ‘тарелка’, ‘миска’; параллелями: $\diamond$ — др.-тюрк. *ajaq* ‘чаша’, ‘чашка’; як. *аях* ‘большой кубок’; (?) эвк. *хага* ‘короб из кожи’; ‘короб из бересты’»⁷. До сих пор нет единого мнения относительно первоосновы обозначения пиалы в тюрко-монгольских языках: В. В. Радлов считает первичным монгольское происхождение (Радлов, 1893: 201), Э. В. Севортян — тюркское⁸; А. Ч. Ооржак допускает, что тувинское название *аяк* является «возвратным монгольским заимствованием в тувинском»⁹.

Бесспорно, что *aah* относится к лексике, общей для алтайских языков, формирование которой проходило на раннем этапе интенсивных этнокультурных контактов народов Центральной Азии.

Анализ сочетаемости слова *aah* позволяет выделить следующие признаки изучаемого концепта: а) чашка, б) изготовленная из дерева, фарфора, клена, с серебряным окаймлением (*модн ааһ* ‘деревянная чашка’, *шаазн ааһ* ‘фарфоровая чашка’, *агч ааһ* ‘кленовая чашка’, *цаһан мөңгэр бүгжлж зивгслн ааһ* ‘деревянная чашка с серебряным окаймлением’), б) широкая (*далһа ааһ* ‘широкая чашка’), в) неглубокая (*наальһи ааһ* ‘неглубокая чашка’), в) предназначенная для бульона, сбора подаяний, жертвенная (*шөлнэ ааһ* ‘бульонная чашка’, *тэклин ааһ* ‘жертвенная чаша’, *бадарин ааһ* ‘чаша для сбора подаяний, пожертвований странствующими монахами’).

Кочевая жизнь калмыков обусловила как компактность предметов быта, так и универсальность их применения. *Aah* отвечала требованию многофункциональности: из нее пили чай, бульон, ку-мыс; ели мясные и молочные блюда. Думаем, что выделение специальной *шөлнэ ааһ* ‘бульонной чашки’ произошло не так давно, в связи с переходом на оседлую жизнь и улучшением материального положения калмыков.

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 637.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 284.

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 625.

⁴ Там же. С. 638; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 284.

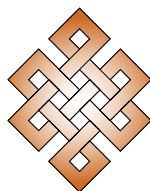
⁵ Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое. книжное издательство, 1999. С. 236.

⁶ Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 13.

⁷ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 60.

⁸ Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2022. С. 23.

⁹ Там же.

Традиционно *aah* изготавливали из таких материалов, которые служили долго и не могли повредиться в условиях кочевой жизни, когда в течение года люди несколько раз перемещались вслед за скотом в поисках пастбищ с обильным травостоем и водными источниками. *Aah* делали, как правило, из клена. Если в *aah* появлялось какое-нибудь повреждение, то ее ремонтировали, скрепляли с помощью серебра. Мужчины носили *aah* в мешочке, привязанном к ремню, или за пазухой.

Лексема *aah* образует отыменное существительное *aahч*, имеющее значения 'разливайщик', 'посудомойка', 'прислуга на кухне'¹. Глагольный дериват *aahlx* имеет значение 'наливать в пиалу, чашку': «Арвн хурһнь алтн мет, ааһлсн үснь аршан мет 'его десять пальцев подобны золоту, разлитое молоко подобно целебному источнику'»². На базе *aah* образованы словосочетания, обозначающие связанные с *aah* предметы обихода: *aahин альчур* 'посудное полотенце', *aahин үкүг* 'посудный шкаф, букв.: шкаф для чашек', *aahин гер* 'мешочек для чашки, букв.: дом для чашки'³. *Aah* образует парные слова с собирательным значением 'посуда': *aah-шаһ* 'кухонная посуда', *aah-сав* 'посуда'. Последний бином формирует атрибутивное словосочетание, конкретизирующее вид посуды: *цэһә ааһ-сав* 'чайная посуда'. Как видим, *aah*, будучи важным элементом культуры калмыков, образует своеобразную микросферу, куда входят связанные с *aah* понятия.

Этимологический, лексико-семантический анализ и изучение сочетаний существительного *aah* с другими словами позволяют выделить характеристики концепта *aah*: а) чашка, б) из дерева, клена, фарфора, с серебряным окаймлением, в) широкая, г) неглубокая, д) предназначенная для питья, сбора подаяний; жертвенная.

Бадр

Лексема *бадр* относится к периферии лексико-семантического поля концепта *aah*. *Бадр* имеет неоднозначную трактовку в словарях калмыцкого языка с точки зрения употребления в современной речи. В Калмыцко-русском словаре под редакцией Б. Д. Муниева *бадр* имеет пометы 'уст.', 'рел.', семантизируется как 'чашка для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами'⁴. В толковых словарях Г. Ц. Пюрбеева, а также в аспектных словарях она имеет помету 'рел.', регистрируется то же значение⁵. На базе данного слова образуется глагольное словосочетание *бадр авх* 'собирать подаяние'⁶.

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *бадр* восходит к старописьменному монгольскому *BADAR*, заимствованному из санскрита [*pātra*]. В современных письменных монгольских языках ему соответствуют в «халх., бур. *бадар*, калм. *бадр* 'сбор подаяний'»⁷.

Бадр входит в состав буддийской терминологии, которая составляет значительный пласт лексики во всех монгольских языках, носители которых являются приверженцами буддизма. Вместе с учением монголы восприняли и буддийскую лексику, в которой доминируют заимствования из санскрита, пали, тибетского языка. В связи с возрождением буддизма в обществе усиливается интерес к изучению буддийской лексики (Будажапова, 2012; Будажапова, Харанутова, 2023; Харанутова, Будажапова, Байкалов, 2023; Шагдаров, 2011; Шагдарова, 2016; Есенова Т., Есенова Г., 2025; и др.). В Кратком толковом бурятско-русском словаре буддийских терминов Л. Б. Будажаповой⁸ данное слово не представлено. По нашему мнению, значение слова *бадр* отражает жизненный принцип буддийского монаха — жить подаянием, приоритет отдавать духовной, а не материальной сфере.

¹ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 125; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 279.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 21.

³ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 21; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыц. книжное издательство, 1996. С. 125.

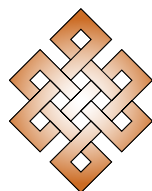
⁴ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 76.

⁵ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 45; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 87; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыц. книжное издательство, 1996. С. 126; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 280.

⁶ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 126.

⁷ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 65.

⁸ Будажапова Л. Б. Краткий толковый бурятско-русский словарь буддийских терминов. Улан-Удэ: Номад, 2024.

Итак, лексема *бадр* обозначает чашку для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами; слово заимствовано из санскрита в ходе распространения среди монголов буддизма. В связи с буддийской практикой, сложившейся в Калмыкии, монахи не обходят население с чашей для сбора подаяний и пожертвований, что и обусловило ограниченное употребление слова *бадр* в речи. *Бадр* относится к разряду устаревшей религиозной лексики.

В слове *бадр* выделяются такие характеристики концепта *aah*, как а) чашка, б) предназначенная для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами.

Мандл

Лексема *мандл* относится к периферии лексико-семантического поля концепта *aah*. В калмыцком языке существуют омонимы *мандл* I 'алтарь' и *мандл* II: 1) 'чаша, блюдо для сбора пожертвований', 2) 'поверхность чего-либо'¹. По данным лексикографических источников калмыцкого языка, *мандл* относится к религиозной лексике².

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, данное слово восходит к старописьменному монгольскому *MANDAL*, заимствованному из санскрита [*maṇḍala*]. В бурятском языке ему соответствует «*мандал* 'алтарь'; монгольском — *мандал* 'диск', 'круг'; 'поверхность чего-либо'; ♦ ← др.-тюрк. *mandal* 'магический заколдованный круг', 'фигура'»³. Вероятно, в калмыцком языке в результате расщепления значений многозначного слова образовалось два самостоятельных слова. В отличие от лексемы *бадр*, называющей 'чашку для сбора подаяний и пожертвований странствующими монахами', *мандл* обозначает 'чашу, блюдо для сбора пожертвований', которая ставится на алтарь и на которую верующие ставят свои подношения.

Итак, в современном калмыцком языке *мандл* относится к заимствованной из санскрита в ходе распространения буддизма религиозной терминологии, обозначает чашу, блюдо для сбора пожертвований на алтаре, на которую верующие ставят подношения.

Данная лексема выделяет следующие признаки концепта *aah*: а) чашка, б) предназначенная для сбора пожертвований на алтаре.

Савл

Лексема *савл* относится к периферии номинативного поля концепта *aah*. По данным словарей современного калмыцкого языка, *савл* имеет значение 'чашка с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц)', сопровождается пометой 'устар.'⁴ Слово *савл* не представлено в Этимологическом словаре монгольских языков, Монгольско-русском словаре А. Лувсандэндэва, Большом академическом монгольско-русском словаре, Бурят-монгольско-русском словаре К. М. Черемисова. В языке ойратов Синьцзяна *савл* функционирует в двух фонетических вариантах: *савал* и *сабил*, имеет значение 'чаша с ручкой', 'ковш (для употребления вина)'⁵. Как видим, в этих языках общим признаком *савл* является 'ручка', дифференцирующим — сфера применения: для привилегированных лиц (калмыцкий), для употребления вина (язык ойратов Синьцзяна). Согласно Б. Х. Тодаевой, в языке ойратов Китая данное слово относится к общеупотребительной лексике, не имеет ограничений в дистрибуции: встречается как в эпическом тексте (*заани сойааһаар нүделен кегсен нэрхен шара савал цөгце* 'тончайшая желтая чаша-братина, инкрустированная бивнем слона'), сказочном дискурсе (*бал хара хорзааса түме балһава гежи туң дораа ородаг угаа хара савал дүүргээд далан күмен дамжилаад бэрвээ генээ* 'наполнив медовой крепчайшей хорзой черную чашу-братину, из которой сделай хоть десять тысяч глотков и то не убавится, подняли семьдесят человек и преподнесли ему'), так и

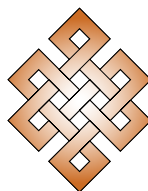
¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 341.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 201; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2021. Т. 1. С. 482; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыц. книжное издательство, 1996. С. 128; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

³ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Швернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 2. С. 160.

⁴ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 434; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 260; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 73; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 282.

⁵ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 282.

в живой разговорной речи (*савал дүүрээд асхрва* ‘чаша переполнилась, из нее стало выливаться’)¹. С учетом сказанного можно предположить, что *савл* входит в состав ойратизмов; в калмыцком языке *савл* относится к устаревшей лексике, в языке ойратов Китая не имеет ограничений в дистрибуции.

Лексема *савл* выделяет следующие признаки *aah*: а) чашка, б) с ручкой (особого назначения для привилегированных лиц).

Тагш

Лексема *тагш* относится к периферии номинативного поля концепта *aah*. Толковые словари калмыцкого языка Г. Ц. Пюрбеева, Калмыцко-русский словарь под редакцией Б. Д. Муниева, а также Словарь языка ойратов Синьцзяна Б. Х. Тодаевой не содержат данную лексему, в то время как она представлена в аспектных словарях: Толковом словаре традиционного быта калмыков Г. Ц. Пюрбеева и Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков Ю. Цэндээ, Г. Ц. Пюрбеева, которые определяют его значение как ‘деревянная чаша’, ‘пиала’².

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, данное слово восходит к старописьменному монгольскому TAᠭSI. Его рефлексам являются в: «халх. *тагш*, бур. *тагша* ‘чашка’, ‘пиала’»³. Авторы словаря допускают, что данному слову соответствуют в кирг. *такчы* ‘небольшая чашка с плоским дном’, ‘тарелка’⁴. На основании сказанного можно считать, что номинация *тагш* относится к древнему пласту монгольской лексики, выражающей характеристики концепта *aah* — деревянная чашка, пиала.

Цоома / цөөмэ

Лексема *цоома* / *цөөмэ* относится к периферии номинативного поля концепта *aah*. *Цоома* / *цөөмэ* лексикографическими источниками калмыцкого языка семантизируется как ‘пиала’, ‘чаша (большая)’⁵. К сожалению, в словарях не приводятся сведения о функционировании слова, контексты употребления. Данная единица не отражена в Словаре языка ойратов Синьцзяна Б. Х. Тодаевой, Этимологическом словаре монгольских языков, Большом академическом монгольско-русском словаре, Монгольско-русском словаре А. Лувсандэндэва, Бурят-монгольско-русском словаре К. М. Черемисова, что дает основание считать данную лексему единицей исключительно калмыцкого языка.

Лексема *цоома* / *цөөмэ* выделяет признаки концепта *aah* — пиала, большая.

Цар

Лексема *цар* относится к периферии лексико-семантического поля концепта *aah*. Слово *цар* в калмыцком языке используется для обозначения блюда, относится к редко употребляемым словам⁶.

Цар восходит к старописьменному монгольскому ČARA, которому в современных письменных языках соответствуют: «халх. *цар*, *цараа* ‘кратер’, ‘объем’, калм. *цар* ‘неглубокая тарелка’; бур. *сара* ‘чаша с широким верхом’; в кирг. *чара* ‘большая чашка’, ‘глазница’, ‘могильная яма’, ‘нижняя часть копыта лошади’; маньчж. *čara* ‘ендова из металла на ножках’»⁷. Следовательно, *цар* относится к общей лексике алтайских языков. В калмыцком языке *цар* является редко используемой единицей.

Лексема *цар* выделяет характеристику концепта *aah* — неглубокая.

¹ Там же.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 129; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 283.

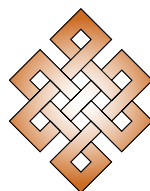
³ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2018. Т. 3. С. 148.

⁴ Там же.

⁵ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 637; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 392; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 426; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1996. С. 131; Цэндээ Ю., Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта ойратов Монголии и калмыков. Улаанбаатар: Ганпринт, 2016. С. 284.

⁶ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 625; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 408.

⁷ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 134.

Шаазң

Лексему *шаазң* можно отнести к синонимам *aah*. Словарь синонимов калмыцкого языка М. У. Монраева к слову *aah* приводит синонимы *шаазң*, *aah-sav* 'пиала', 'чаша', 'посуда'¹. Однако ни в Толковом словаре традиционного быта калмыков Г. Ц. Пюрбеева, ни в Толковом словаре традиционного быта ойратов Монголии и калмыков Ю. Цэндээ, Г. Ц. Пюрбеева *шаазң* не приводится как специальное обозначение чашки, пиалы; но дается словосочетание *шаазң aah* 'фарфоровая чашка'.

Лексикографические источники калмыцкого языка в данном слове выделяют значения 'фарфор, фаянс'², 'фарфор, фаянс, фарфоровый, фаянсовый'³. В языке ойратов Синьцзяна *шаазң* употребляется в значениях 'фарфор', 'фарфоровый', 'фарфоровая чашка'⁴ как в фольклорных текстах (*далан күмен дамжилдаг далхаа шара шаазң* 'чашка, которую поднимают семьдесят человек'), так и в живой разговорной речи (*шаазң савааса хото уха* 'пить, есть из фарфоровой посуды')⁵. В наших записях разговорной речи калмыков фиксируется *шаазң* в значении 'пиала' (*шаазңд цэ кечкв / сууһад амстн* 'в пиалу налила чай / посидите / испробуйте')⁶.

Авторы Этимологического словаря монгольских языков предполагают, что слово *шаазң* является заимствованием из китайского языка: *ŠAJANG* [кит. ?]. В бурятском языке *шаажан* имеет значения 'фарфор, фаянс', 'фарфоровый, фаянсовый', в халха-монгольском — 'фарфор; фаянс' 'фарфоровый, фаянсовый', 'изделия, посуда из фарфора'⁷. А. Ч. Ооржак по результатам анализа лексики посуды и домашней утвари тувинского языка и его диалектов *шаажң* 'фарфор' квалифицирует как монголизм⁸. Интересно, что, по данным Е. М. Куулар, в юго-восточном диалекте тувинского языка *шаажң* используется в значении 'пиала' (Куулар, 2012: 178). На наш взгляд, в слове *шаазң* произошло расширение смыслового содержания в результате переноса значения по смежности (с материала, из которого сделана чашка, на сам предмет).

Можно полагать, что слово *шаазң* вошло в монгольские языки в отдаленное время как обозначение привезенных из Китая изделий из фарфора, фаянса. За период своего бытования слово адаптировалось в грамматической системе монгольских языков, о чем свидетельствует «подчинение» его монгольскому словоизменению. Расширилась его семантика: 'фарфор, фаянс' → 'фарфоровый, фаянсовый' → 'фарфоровая пиала', → 'пиала', что, по нашему мнению, объясняется экстралингвистическими причинами. Монголы-кочевники традиционно использовали деревянные чашки, отвечающие условиям кочевой жизни. Потом стали использовать *шаазң aah* 'чашки из фарфора', которые привозились из Китая. Постепенно после произошедших коренных изменений образа жизни, с переходом от кочевия к оседлости распространение в быту получает заводская посуда, сделанная из фарфора, фаянса. Этим можно объяснить употребление среди калмыков слова *шаазң* в значении 'пиала'.

Итак, в калмыцком языке *шаазң* обозначает пиалу, предназначенную для чая. Слово вошло в монгольские языки из китайского языка для номинации изделий из фаянса, фарфора, доставляемых из Китая. На монгольской почве *шаазң* адаптировалось в грамматической и лексико-семантической системе; в современном калмыцком языке за ним закрепляется значение 'пиала'. Слово стилистически нейтрально, не имеет ограничений в дистрибуции.

В лексеме *шаазң* выделяются следующие признаки рассматриваемого концепта: а) пиала, б) фарфоровый, фаянсовый.

¹ Монраев М. У. Словарь синонимов калмыцкого языка. Элиста: АПП «Джангар», 2002. С. 13.

² Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 461.

³ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 657; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 406.

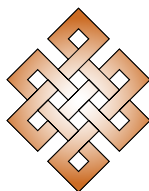
⁴ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 445.

⁵ Там же.

⁶ Полевые материалы Т. С. Есеновой, 1999 г.

⁷ Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. Т. IV. С. 2024.

⁸ Ооржак А. Ч. Лексика посуды и домашней утвари в тувинском языке и его диалектах: дисс. ... канд. филол. наук. Кызыл, 2022. С. 28.

Цөгц

Как и *шаазн*, лексему *цөгц* можно отнести к синонимам *ааһ*.

Согласно Этимологическому словарю монгольских языков, *цөгц* восходит к старописьменному монгольскому *ᠴᠣᠭᠦᠴᠡ*, которому в современных письменных языках соответствуют: «халх. *цөгц*, бур. *сүгсэ* ‘чашка для жертвенных зёрен, масла’; калм. *цөгц* ‘деревянная чашка’. $\diamond$ – кирг. *чөөчөк*, *чөйчөк* ‘маленькая чашка; рюмка, бокал’»¹.

Лексикографические источники калмыцкого языка дефинируют значение *цөгц* следующим образом: ‘чарка’, ‘чашечка’, ‘чаша’², ‘чашка’³. В языке ойратов Китая *цөгц* употребляется в двух значениях: 1) *рел.* ‘жертвенная чаша, лампадка’, 2) ‘рюмка’, ‘чарка’, ‘чаша’⁴. С точки зрения материала *цөгц* бывают *мөңгн* ‘серебряные’, *зес* ‘медные’, *модн* ‘деревянные’⁵; предназначения: для напитков (деревянная) — *цөгц ааһ*, для вина (деревянная) — *эркин цөгц*, жертвенная — *зулын цөгц*⁶, *тэклин цөгц*⁷, *деежин цөгц*⁸.

Лексема *цөгц*, относящаяся к исконной, общемонгольской лексике, является стилистически нейтральным словом, которое употребляется во всех стилях и жанрах речи.

Цөгц выделяет такие признаки концепта *ааһ*, как: а) чашка, б) небольшого размера, в) предназначенная для подношения чая на алтаре, г) жертвенная чашка.

Таким образом, анализ показал, что в калмыцком языке концепт *ааһ* имеет вариативное выражение, свидетельствующее о разнообразии социокультурных практик и ритуалов, в которых используется пиала: обыденная и религиозная сферы, с учетом социального статуса лица и коммуникативной ситуации.

Лексико-семантический и этимологический анализ лексем-вербализаторов позволил выделить следующие признаки концепта *ааһ*: а) чашка, б) из дерева (*модн ааһ* ‘деревянная чашка’, *агч ааһ* ‘кленовая чашка’), фарфора (*шаазн ааһ* ‘фарфоровая чашка’), серебра (*цаһан мөңгэр бүгжлж зивглсн ааһ* ‘деревянная чашка с серебряным окаймлением’), в) широкая (*далһа ааһ* ‘широкая чашка’), г) с ручкой (*савл* ‘чашка с ручкой, особого назначения для привилегированных лиц’), д) неглубокая (*наальһи ааһ* ‘неглубокая чашка’, *наальһи сав* ‘неглубокая, с широкими краями чашка’, *цар* ‘неглубокая’, ‘неширокая чашка’, ж) маленькая (*цөгц* ‘маленькая чашка’), з) большая (*цоома* / *цөөмэ* ‘большая чашка’), и) для питья (*шөлнэ ааһ* ‘бульонная чашка’), к) для сбора подаяний (*бадарин ааһ* ‘чаша для сбора подаяний, пожертвований странствующими монахами’), л) для пожертвований (*мандл* ‘блюдо для сбора пожертвований на алтаре’), м) для подношения (*деежин цөгц*, *зулын цөгц*, *тэклин цөгц* ‘жертвенная чашка’).

Ядро номинативного поля концепта — лексема *ааһ*, вызывающая наиболее актуальные для носителей современной калмыцкой лингвокультуры ассоциации; системные синонимы — *цөгц*, *шаазн*; периферию составляют *бадр*, *мандл*, *савл*, *тагш*, *цоома*, *цар*, утратившие свою актуальность в связи с общественно-политическими изменениями в жизни калмыков в XX в. В языковом сознании современных калмыков понятийное содержание концепта *ааһ* ‘пиала’: а) чашка, б) предназначенная для чая, подношения на алтаре, в) сделанная из дерева, фарфора, фаянса, серебра.

Среди вербализаторов концепта выделяются исконные, общемонгольские слова (*ааһ*, *тагш*, *цөгц*, *цар*), ойратизм (*савл*), а также слова, заимствованные из санскрита (*бадр*, *мандл*) в ходе распространения буддизма, из китайского языка (*шаазн*) в результате социокультурных контактов народов, что свидетельствует о длительном времени бытования концепта в культуре калмыцкого народа.

¹ Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 тт. М.: ИВ РАН, 2015. Т. 1. С. 1523.

² Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 393.

³ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 428.

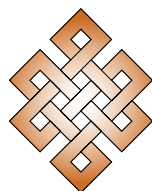
⁴ Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 430.

⁵ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 393; Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка: в 2 т. Элиста: РИА «Калмыкия», 2022. Т. 2. С. 428.

⁶ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 638.

⁷ Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь калмыцкого языка. Элиста: Калм. ун-т, 2020. С. 393.

⁸ Смирнов П. Путевые записки по Калмыцким степям Астраханской губернии. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1999. С. 236.

Перцептивно-образный компонент

Для определения перцептивно-образных характеристик *aah* ‘пиала’ анализировались дискурсивная реализация концепта и метафоры с участием *aah*. Были изучены эссе на тему «Когда я думаю о пиале, я представляю себе...», которые представляют собой пример дискурсивной реализации изучаемого концепта. Приведем фрагменты из некоторых сочинений.

«Мана ээж агч ааһас цэ ууна. Өдр болһн ик эрт босад цээгэн чанчкад, түрүн болж бичкн цөгцд үстэ, тоста, давста халун цэ кеһэд бурхнд дееж тэвнэ. Түүнэ хөөн модн ааһд дүүргэд халун акта зандн цэ кечкэд йөрэл тэвнэ. Тиигчкэд сорад цээһэн ууна.

Манад дала сээхн шаазңуд бээнэ. Ээжд шаазңд цэ кеж уутн гиж мадн келдүвидм. Тиигхлэ уга гинэ.

Модн ааһас ик кезэнэс ууһав гинэ. Халун цэ уухд модн ааһ сэн, һар халхи, цэ эмтэхн болж медгднэ. Эн агч ааһ намд мана эцкэс күртлэ. Аав келдг эн агч ааһ уйэс уйд мана өрк-бүлд йовдг. Мини эцкт көкшин аавас, түнд болхла түүнэ эцкэсн күртсн. Агч ааһ невчкн кемтрхтэ, түнгинь мини эцк мөңгэр уйж. Иим модн ааһ ода берк. Мана эцкт көвүн уга болад, эн агч ааһиг намд мини эцк заасн болжана. Тиигэд аавин агч ааһас цэ уухла, аавм санандм орна».

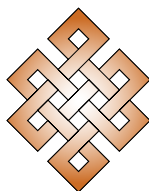
‘Наша бабушка пьет чай из кленовой пиалы (фото 1). Каждый день, встав рано утром, сварив чай, она перво-наперво в маленькую пиалу наливает горячий чай с молоком, маслом, солью и ставит на алтарь как *дееж*. После этого наливает в кленовую пиалу до краев горячий, наваристый густой чай и произносит благопожелание. После этого пьет чай.

У нас много фарфоровых пиал. Мы говорим бабушке, чтобы она пила чай из них. На это она отвечает: “Нет”.

Говорит: “Издавна пью чай из деревянной пиалы. Деревянная пиала хороша для питья горячего чая, руки не обжигает, чай кажется более вкусным. Эта кленовая пиала досталась мне от моего отца. Отец говорил: “Эта кленовая пиала в нашей семье из поколения в поколение передается. Моему отцу она досталась от его отца, а ему — от его отца. Пиала имеет небольшое повреждение, отец поставил “заплатку” из серебра. Сейчас такие деревянные пиалы редкость. Т. к. у отца не было сына, он завещал кленовую пиалу мне. Когда пью чай из отцовской кленовой пиалы, мне вспоминается мой отец”” (К. А., жен., 48 лет, учитель).

Фото 1. Агч ааһ из семейной коллекции Н. С. Есенова. Фото Н. С. Есенова, 2025 г.
Photo 1. “Agch aah” from the family collection of N. S. Esenov. Photo by N. S. Esenov, 2025.

«Манад олн зүсн ааһс бээнэ. Өдр боһн хальмг цэ кеһэд уудг шаазңгдуд бээнэ. Шаазң халун хальмг цэ уухд сэн, ик хотта болчкад, уданд халу бэрдг сав. Нег сээхн шаазңгиг нанд зе күүкм белгиллэ. Болв зэрмдэн орс цэ уухла онгдан савас хар цэ уудвидм, шаазңгэс хар цэ уудговидм. Орс цэ уухла шаазң бэрхд эвго, бэрдг юумн уга.

Дакад болхла манад дееж бэрдг бичкн цөгс бээнэ. Эн цөгсэс күн цэ уудго, энчинь бурхна цөгц. Эн цөгцт өрүн болһн шин чансн цээһэр бурхна өмн дееж тэвдм. Цээһиг бурхна цөгст, шаазңгд дүргж кех керктэ. Тиим авъяс бээнэ. Шаазңгас шөл чигн уудвидм. Нэр болхла, цэ, шөл, дотр — халун хот шаазңгд кеж уудвдм.

Айта сав! Хальмг хот кеж уудг мана йоста сав! Юу болвч ааһас эдлж болна».

‘У нас есть разные пиалы. Есть пиалы, из которых ежедневно пьем калмыцкий чай. Из пиалы хорошо пить горячий калмыцкий чай, она вместительна, долго держит тепло. Одну красивую пиалу мне подарила моя внучка (фото 2). Но, когда пьем русский чай, из других чашек пьем, из пиалы черный чай не пьем. Когда русский чай пьешь, неудобно держать пиалу, нет ручки.

А еще у нас есть маленькая пиала для подношения на алтаре. Из этой пиалы люди чай не пьют, эта пиала для бурхана. В этой пиале каждое утро подносим бурхану на алтаре свежесваренный чай. В пиалы и маленькие чашки надо наливать чай до краев. Таков обычай. Из пиалы пьем и бульон. На мероприятиях чай, бульон, дотур — горячую пищу — принимаем из пиал.

Отличная посуда! Наша национальная посуда, из которой принимаем калмыцкие блюда! Хоть что можно принимать из пиалы’ (С. Н., жен., 76 лет, пенсионер).

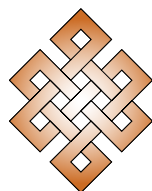

Фото. 2. Шаазң из авторской коллекции Т. А. Очировой. Фото Т. А. Очировой, 2025 г.
Photo. 2. “Shaazn” from the author’s collection of T. A. Ochirova. Photo by T. A. Ochirova, 2025.

«Модн ааһ, агч ааһ, мөңгн ааһ Пальмовин нертэ музейд бээнэ. Кезэнэ хальмгуд модас кесн агч ааһ олзлдг билэ. Учрин: модн ааһ унучигн хамхрдго, гишкн сав, бийтэгэн авхд сэн, өвр дотр, биснэ заакт тэвж болна. Кезэнэ малын ард йовхларн залус модн ааһиг өвр дотран тэвэд, кергтэ цагт һарһад ус чигн, цэ чигн уудг билэ. Кемтрсн орминь цаһан мөңгэр уйдг бээж, байн улс мөңгэр кесн ааһас цэ уудг бээж.

Ода цагт модн ааһар, агч ааһар цэ уухшувидм, цуһар шаазңгас уудувидм. Агч ааһ, модн ааһ, мөңгн ааһ мана зөөр».

‘Деревянные пиалы, кленовые пиалы, серебряные пиалы есть в музее имени Пальмова. Раньше калмыки использовали кленовые пиалы, сделанные из дерева пиалы. Причина: деревянная пиала не разбивается при падении, это легкая посуда, удобно брать с собой, можно положить за пазуху, за ремень. Раньше,

ухаживая за скотом, мужчины носили деревянные пиалы за пазухой, в нужное время вытаскивали и из нее пили и воду, и чай. Ставили серебряные «заплатки» на поврежденное место пиалы, богатые пили чай из серебряных пиал (фото 3).

Сейчас не пьем из деревянных и кленовых пиал, все пьем из фарфоровых. Деревянные, кленовые, серебряные пиалы — наше достояние' (В. Э., муж. 60 лет, педагог).

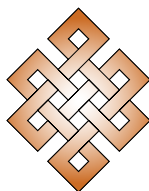

Фото. 3. Мөңгн ааһ из семейной коллекции Н. С. Есенова. Фото Н. С. Есенова, 2025 г.
Photo. 3. "Möngn aah" from the family collection of N. S. Esenov. Photo by N. S. Esenov, 2025.

Респонденты дают амбивалентную характеристику *aah*, отмечая, что она подходит для приема этнической пищи (калмыцкий чай, бульон, *дотур*), с одной стороны, и не подходит для приема отсутствующих в национальной культуре напитков (черного чая, кофе, киселя, компота) — с другой. В сочинениях респонденты пишут о том, что сейчас деревянные, серебряные, кленовые пиалы — большая редкость, повседневно употребляют фарфоровые пиалы, из которых пьют калмыцкий чай, бульон, едят *дотур*. В ответах названы такие характеристики *aah*, как 'отсутствие ручки', 'из фарфора, дерева, клена, серебра', 'легкая', 'крепкая', 'удобная', 'может / не может разбиться', что свидетельствует о присутствии в сознании респондентов четкого образа *aah*. Отметим, что индивидуальные характеристики *aah*, приведенные респондентами, в целом соответствуют научному описанию предмета (Сангаджиева, 2024).

Положительную оценку у респондентов вызывает свойство пиалы держать тепло, не обжигать пальцы при питье горячего чая или бульона. Во многих ответах *aah* ассоциируется с калмыцкой этничностью, с калмыцкой этнической культурой; при этом *модн ааһ* 'деревянная пиала', *агч ааһ* 'кленовая пиала', *мөңгн ааһ* 'серебряная пиала' ассоциируются с прошлым, воспринимаются как архаика.

Обращает на себя внимание гендерная и профессиональная привязка ассоциирующихся с кочевым прошлым калмыков *модн ааһ*, *мөңгн ааһ* и *агч ааһ*. Эти виды пиал в сознании современных калмыков ассоциативно связаны с мужчинами, кочевым скотоводческим занятием, военным прошлым. Помимо *aah*, *шаазн*, для сознания современных калмыков актуальна *цөгц ааһ*, которая ассоциируется с духовно-религиозной сферой, национальными обычаями.

Aah, будучи предметным концептом, может быть охарактеризован через человека, использующего пиалу в своей повседневной жизни. Используя пиалу как предмет посуды, человек стремится содержать ее в чистоте, не использовать поврежденную пиалу, остерегаясь нанести вред счастью; наливает в пиалу чай до краев, старается не расплескать чай и выпивает его полностью, чтобы было «полное счастье». При использовании *цөгц aah*, наполняя ее чаем, человек обращается с молитвами к *бурханам* о благополучии. Видим, что *aah* связан как с материальной, так и духовной сферой мира калмыков.

Предметно-образная сторона концепта — это целая, чистая чашка, до краев наполненная чаем, которая ассоциируется со счастьем. Образный компонент рассматриваемого концепта прослеживается в метафоре «цельности», «полноты», «крепости», которая находит выражение в языке (*агч aah авад шивв чигн хамхрхи* 'кленовую чашку как ни бросай на землю, не разобьется'¹, *хоосн aah күүнд өгдм биш* 'не следует давать людям пустую пиалу'², *aahд цэ дүүргж кех кергтэ* 'следует наливать полную пиалу чая'³) и связана с образами счастья, благополучия. Прослеживается идея о том, что полная пиала, пиала, не имеющая повреждения, олицетворяет собой полное счастье. Наблюдается пересечение семантических полей «полный-неполный», «целый-нецелый» и «счастье-несчастье», что указывает на связь концепта *aah* 'пиала' с *кишг* 'счастье'.

Итак, образная составляющая концепта: целая, чистая чашка, без ручки, до краев наполненная чаем, ассоциирующаяся со счастьем. Образный компонент концепта *aah* раскрывается через связь с человеком, использующим пиалу в разных ситуациях и сферах. Через метафору «цельности», «полноты», «крепости», которая реализуется в языковых контекстах с участием вербализаторов концепта, раскрывается связь *aah* с *кишг* 'счастье'. В сознании современных калмыков традиционные *модн aah*, *мөңгн aah*, *агч aah* ассоциируются с кочевым прошлым калмыков, мужчинами-скотоводами, воинами, *цөгц aah* — с духовной сферой.

Ценностный компонент

В скудном «посудном хозяйстве» кочевников *aah* занимает центральное место, которое обусловлено значимостью *цэ*, напитка, чаще всего содержащегося в ней: у калмыков *цэ* 'чай' входит в *цаһан идэн* 'белая пища'. В представлении калмыков, вся молочная пища, как *цаһан идэн*, ассоциируется со счастьем, здоровьем, добротой — благодатью (Жуковская, 1988: 160), что объясняется сакральностью белого цвета в цветосимволике монгольских народов. В связи с этим ценностный компонент *aah* 'пиалы' раскрывается в ходе рассмотрения места *цэ* 'чай' в этнокультуре калмыцкого народа.

Как известно, чай сопровождает все важные жизненные события калмыка (свадьба, сватовство, похороны, встреча новорожденного, наречение его именем, новоселье и т. д.). Чай входит в комплекс гостеприимства, коммуникативные акты (приветствие, прощание, поздравление и т. д.), это неотъемлемый элемент ежедневной жизни калмыка. Основываясь на значимости чая в культуре калмыков, мы относим *цэ* к прецедентным феноменам (Есенова Т., Есенова Г., 2012: 7–14). Ранее нами были проанализированы понятийное, образное и ценностное содержание концепта *цэ* 'чай' (Есенова, 2012: 84–101), ниже рассмотрим языковые примеры, в которых осмысливается *aah* 'пиала' как значимый элемент этнокультуры нашего народа.

1. *Aah* 'пиала' участвует в следующих культовых актах:

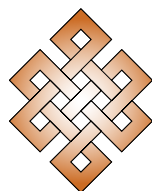
— *дееж* 'подношение на алтаре напитков и еды богествам'. В каждой калмыцкой семье есть *деежн цөгц* 'жертвенная чаша', в которую наливается первая порция *цэ* 'чая', *шөлүн* 'бульона' и которая ставится на алтарь перед *бурханами* 'божествами' в качестве подношения с чтением молитвы о благоденствии всех живых существ;

— *гиичлһн* 'угощение'. Гостям в первую очередь варят свежий чай, входящий в комплекс *цаһан идэн*. Свежесваренный чай наливают в *aah* 'пиалу' и преподносят, держа пиалу обеими руками на уровне груди, сначала — хозяину дома, далее — гостям по старшинству;

¹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. С. 760.

² Челбана Е. И. Хальмг улсин авг-бэрц авъяс болн сойл [Традиции и обычаи калмыков]. Элст: ЗАОз «НПП «Джангар», 2008. X. 39. (На калм. яз.).

³ Там же.

— *цаһан хаалһ* ‘белая дорога’. Перед поездкой, началом нового дела калмыки варят свежий *цэ* ‘чай’, разливают в *ааһ* ‘пиалы’, старший произносит *йорал* ‘благопожелание’ и, выпив чай, с уверенностью в благополучном исходе дела и белой дороге отправляются в путь, принимаются за дело;

— *өрүни цэ* ‘утренний чай’, символ исполнения задуманного, удачи в делах. Как ни спешит человек, он всегда найдет время, чтобы сварить утренний чай, с которого начинается день каждого калмыка. Наливая в пиалы свежеваренный чай и выпивая его, человек пребывает в уверенности, что все задуманное в этот день исполнится и день пройдет удачно.

Значит, *ааһ* ‘пиала’, в которую наливают наделенный глубоким смыслом в этнокультуре калмыков, относящийся к *цаһан идән* ‘белой, счастливой пище’ *цэ* ‘чай’, имеет такой же позитивный смысл — счастливая, благостная пиала.

2. С *ааһ* ‘пиала’ связаны следующие рекомендации:

— *кемтрхэ ааһас цэ уудго* ‘нельзя пить чай из пиалы с поврежденным краем’. Вероятно, этот запрет можно объяснить следующим образом: чтобы не навредить счастью, нельзя использовать поврежденные предметы;

— *ааһд цэ дүүргж кех кергтэ* ‘следует наливать полную пиалу чая’. Полная чаша символизирует полное счастье, поэтому надо стремиться наливать полную пиалу чая. Если же чай расплескался и пиала оказалась неполной, то следует вновь наполнить пиалу до краев чаем и преподнести с извинениями;

— *хоосн ааһ күүнд өгдм биш* ‘не следует давать людям пустую пиалу’. Прослеживается та же логика: пустая пиала — символ неполного счастья, полная пиала символизирует полное счастье.

В приведенных рекомендациях, связанных с использованием *ааһ*, прослеживается стремление человека уберечь счастье, символом которого является полная, целая *ааһ*.

3. В монгольских языках лексема *ааһ* ‘пиала’ входит в состав фразеологизма, означающего ‘есть, пить’: *ааһин ам зуух* ‘букв.: дотронуться ртом до края чашки’¹ (значение содержимого *ааһ* переносится на сам предмет в результате метонимического переноса). Т. е. идея приема пищи, важнейшей потребности человека, ассоциируется с *ааһ*.

4. О значимости концепта ‘пиала’ *ааһ* в этнокультуре калмыков можно судить, рассмотрев участие лексемы *ааһ* в характеристике человека. Через *ааһ* ‘пиалу’ калмыки иносказательно оценивают человека, если тот неприветливо встречает гостя: *ааһин ама зуулһадаг угаа* ‘ничем не угощающий, не дающий ничего поесть и попить; букв.: не давший прикоснуться к краю чашки’². Через *ааһ* дается оценка и в целом всей семье: *һазааһааса ирегсен күменде ааһиин ама зуулһадаг угаа харамчи ээл* ‘жадная семья, которая зашедшим к ним людям не предложит ни поесть, ни попить, букв.: не дали прикоснуться к краю чашки’³. Надо сказать, что калмыки, как в целом номады, жизнь которых проходит уединенно на огромных, безлюдных степных пространствах, очень гостеприимны. Если с гостем обходятся с нарушением этикета, то это сразу отмечается, потому калмыки говорят: *адуна алгас — ааһин алг* ‘пестрота в чашке хуже, чем пестрота в табуне’⁴.

5. Лексема *ааһ* ‘пиала’ участвует в характеристике отношений между людьми. Выражением *ааһинь хамхрж одв* ‘чашка сломалась’ характеризуются отношения людей: поссорившиеся люди более не пьют вместе чай, «подобно пиале, сломалась их дружба» (метафорический перенос).

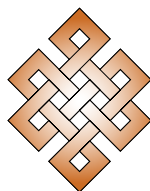
6. *Ааһ* представлена в устном народном творчестве калмыков. Например, *йоралэх* ‘благопожеланиях’, в которых отмечается способность *ааһ* сохранять свои свойства: *халуг кехлә — халдг уга, киитг кехлә — царцдг уга, кезэ мөңкинд цевр-цегэн бээдг, ах-икэн күндлж, амтта цэ-хотан кеж өгдг, хаи эрднь ааһ шаазгнь өлзэтэ болтха* ‘да будут благословенны драгоценные фарфоровые пиалы, которые не тают, когда их наполняешь горячим, не стынут, когда наполняешь их холодным, вечно пребывающие в чистоте, в которых преподносится вкусный чай в знак почтения к старшим’ (Есенова, 2012: 94).

¹ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 18.

² Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. С. 16.

³ Там же.

⁴ Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. С. 17.

Интерес вызывают загадки, в которых народ зафиксировал свои наблюдения, касающиеся свойств *aah* и окружающих предметов (ружейная пуля), животных (конь), человека (мальчик), небесных светил (солнце, луна). Речь идет о таких характеристиках *aah*, как:

— крепость: *агч ааһ авад шивв чигн хамхрхш (мөрнә турун)* ‘кленовую чашку как ни бросай на землю, не разобьется (копыта коня)’¹;

— размер: *ааһин чинән арлас тавн нуһсн нисж, ардаснь хурдн хар нуһсн көөж (бууһин сумн)* ‘с островка величиной с чашу поднялись пятнадцать уток, за ними погналась быстрая черная утка (ружейная пуля)’², *ааһин чинән зальд хамг эмтн көлчәж (нарн)* ‘у огня величиной с чашу греются все люди (солнце)’³, *уулын чинән бийтә, туулан чинән чиктә, ааһин чинән нүдтә (мөрн)* ‘сам величиной с гору, уши величиной с зайца, глаза величиной с чашу (конь)’⁴;

— цвет: *төгрг шар көвүн төр болһнд дутх уга (ааһ)* ‘округлый желтый мальчик принимает участие во всех делах (чашка)’⁵;

— материал: *мөсн деер мөңгн ааһ (сар)* ‘на льду серебряная чаша (луна)’⁶;

— форма: *төгрг шар көвүн төр болһнд дутх уга (ааһ)* ‘округлый желтый мальчик принимает участие во всех делах (чашка)’⁷.

Наблюдая за природой, окружающей действительностью, люди находят сходства между ними и *aah*, значит, в сознании людей *aah* переходит из разряда предметов бытия в его образы, становится ментальным объектом.

Сказанное позволяет считать, что аксиологическая составляющая концепта *aah* ‘пиала’ — значимый элемент культуры калмыков. На это указывает участие *aah* в: а) знаковых актах, б) рекомендациях относительно поведения, в) оценке человека, г) характеристике отношений между людьми, д) формировании образа мира.

Заключение

Как показано в исследовании, *aah* ‘пиала’ является концептом, культурно-значимым элементом ментального мира калмыков. На это указывают: а) номинативная плотность концепта в калмыцком языке, б) его четкое перцептивно-образное представление в сознании носителей калмыцкой лингвокультуры, в) участие в разнообразных социокультурных практиках и ритуалах, определяющих особенности этнокультурного общения и коммуникативного поведения калмыков в разных ситуациях и сферах.

Понятийное содержание концепта: чашка, предназначенная для чая, подношения на алтаре, сделанная из дерева, фарфора, фаянса. Предметно-образная составляющая концепта: целая, чистая чашка, до краев наполненная чаем, ассоциирующаяся со счастьем. Образный компонент концепта *aah* прослеживается в метафоре «цельности», «полноты», «крепости», которая находит выражение в языковых средствах с участием вербализаторов концепта. Ценностный компонент, неразрывно связанный с содержанием *aah* — *цә* ‘чай’, который относится к *цаһан идән* ‘белая, счастливая пища’, прослеживается в использовании *aah* как этнокультурного символа в обыденной жизни калмыков, знаковых ритуалах, обычаях, поведенческих установках, текстах.

Ядро номинативного поля концепта — лексема *aah*, вызывающая наиболее актуальные для носителей современной калмыцкой лингвокультуры ассоциации; системные синонимы — *цөгц, шаазн*; периферию составляют *бадр, мандл, савл, тагш, цоома, цар*, утратившие свою актуальность в связи с общественно-политическими изменениями в жизни калмыков в XX в. В сознании современных калмыков *модн ааһ, мөңгн ааһ, агч ааһ* ассоциируются с кочевым прошлым калмыков, мужчинами-скотоводами, воинами; *цөгц ааһ* — с духовной сферой.

¹ Тодаева Б. Х. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. С. 760.

² Там же. С. 677.

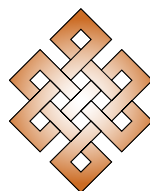
³ Там же. С. 713.

⁴ Там же. С. 759.

⁵ Там же. С. 740.

⁶ Там же. С. 759.

⁷ Там же. С. 740.

В концепте *aah* 'пиала' ярко отражаются особенности кочевой жизни калмыков, природная среда, верования, контакты с другими народами, образ мышления. Концепт прошел длительный период «оязыковления» и развития, сохранив за собой статус глубоко этнического, культурно нагруженного элемента лингвокультуры калмыков.

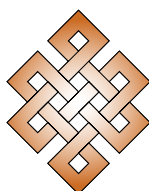
Пиала, как один из древних предметов материального мира кочевников Евразии, является их общим достоянием. Однако, думаем, что в каждой из этнокультур имеются уникальные особенности, позволяющие относить ее к национальным символам каждого из народов, что предстоит изучить исследователям в будущем. Перспективы исследования мы видим в лингвокультурологическом исследовании других объектов материальной культуры калмыков, которые глубоко осмыслены сознанием, представлены в разных средствах языка и которые, как и пиала, являются, с одной стороны, евразийским достоянием, а с другой — этническими символами конкретных народов.

Благодарности

Приносим глубокую благодарность художнице по фарфору Татьяне Анатольевне Очировой и Николаю Сергеевичу Есенову за предоставленные фотоматериалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атакаева, Ф. Ш. (2017) О некоторых названиях посуды и кухонной утвари в ногайском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 1 (67). С. 74–77.
- Бальжинимаева, Б. Д. (2017) Названия тары и емкостей из кожи в монгольских языках // Oriental Studies. № 3. С. 110–114.
- Будажанова, Л. Б. (2012) Буддийские термины в современном бурятском языке / отв. ред. Э. Р. Раднаев. Улан-Удэ : Бурятский государственный университет. 104 с.
- Будажанова, Л. Б., Харанутова, Д. Ш. (2023) Заимствованная буддийская лексика в монгольских языках // Социолнгвистика. № 2 (14). С. 64–78.
- Воркачев, С. Г. (2004) Счастье как лингвокультурный концепт. М. : Гнозис. 236 с.
- Есенова, Т. С. (2012) Цэ / чай // Очерки по лингвокультуре калмыков / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Элиста : Издательство Калмыцкого университета. 159 с. С. 84–101.
- Есенова, Т. С., Есенова, Г. Б. (2012) Ээжин цэ как прецедентный феномен лингвокультуры калмыков // Урал-алтайские исследования. № 2. С. 7–14.
- Есенова, Т. С., Есенова, Г. Б. (2025) Обозначения буддийских священнослужителей в калмыцком языке // Язык, фольклор, литература монгольских народов в контексте традиционной культуры / ред. Э. П. Бакаева, В. В. Куканова, Г. М. Ярмаркина. Элиста: КалмНИЦ РАН. 188 с. С. 64–69.
- Замалетдинов, Р. Р., Хуснуллина, Г. Н. (2014) Лингвокультурологические особенности наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. № 4 (38). С. 95–100.
- Жуковская, Н. Л. (1988) Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука. 195 с.
- Карасик, В. И. (2009) Языковые ключи. М. : Гнозис. 405 с.
- Карбушева, И. В., Лиджиев, А. Б. (2021) Метафорические образы лексики кухонной утвари и посуды в монгольских языках // Вестник Института. № 2 (43). С. 104–108.
- Красавский, Н. А. (2001) Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград : Перемена. 495 с.
- Куулар, Е. М. (2012) Юго-восточный диалект тувинского языка. Кызыл : РИО ТувГУ. 213 с.
- Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Нурмухаметова, Р. С. (2014) Словообразовательные особенности кулинарной лексики татарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (40). С. 121–123.
- Нурмухаметова, Р. С., Хуснуллина, Г. Н. (2016) Национально-культурная специфика татарского чаепития: названия посуды и блюд // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 9. С. 156–158.
- Радлов, В. В. (1893) Опыт словаря тюркских наречий. Санктпетербург : Императорская Академия наук. 320 с.

Рассадин, В. И. (2017) Общемонгольская лексика по разделу интерьер, домашняя утварь и посуда в хакасском, бурятском и калмыцком языках // Вестник Калмыцкого университета. Вып. 33 (1). С. 97–101.

Рассадин, В. И., Трофимова, С. М., Тувшинтогс, Б. (2017) Тюрко-монгольские параллели среди терминов материальной культуры в монгольских языках (на примере терминов одежды, жилища, домашней утвари) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Вып. 2 (115). С. 101–106.

Рассадин, В. И., Цыренова, Д. Б. (1996) Лексика материальной культуры окинских сойотов // Проблемы бурятской диалектологии / отв. ред. В. И. Рассадина. Улан-Удэ : БНЦ РАН СО РАН. 159 с. С. 58–99.

Сангаджиева, Д. В. (2024) Художественное оформление предметов из дерева в декоративно-прикладном искусстве Калмыкии: традиции и современность // Наследие веков. № 1 (37). С. 97–112.

Слышкин, Г. Г. (2004) Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград : Перемена. 340 с.

Степанов, Ю. С. (2004) Константы. Словарь русской культуры. М. : Академический проект. 3-е изд. 992 с.

Степанов, Ю. С. (2007) Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М. : Языки славянской культуры. 246 с.

Хайрутдинова, Т. Х. (2000) Бытовая лексика татарского языка (посуда, утварь, предметы домашнего обихода). Казань : Фикер. 128 с.

Харанутова, Д. Ш., Будажапова, Л. Б., Байкалов, Н. С. (2023) Заимствованная буддийская лексика бурятского языка в историко-лингвистическом освещении // Монголоведение. Т. 15. № 4. С. 742–756.

Хуснулина, Г. Н. (2016) Способы образования наименований посуды и кухонной утвари в татарском языке // Филология и культура. № 4 (46). С. 82–86.

Шагдаров, Л. Д. (2011) Буддийская лексическая система в современном бурятском литературном языке // Вестник БНЦ СО РАН. № 3. С. 177–184.

Шагдарова, Д. Л. (2016) Буддийская лексика и терминология и проблема их перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3–1 (57). С. 192–195.

Дата поступления: 22.07.2025 г.

Дата принятия: 23.09.2025 г.

REFERENCES

Ataeva, F. Sh. (2017) On some names of dishes and kitchenware in the Nogai language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1(67), pp. 74–77. (In Russ.)

Balzhinimaeva, B. D. (2017) Names of leather containers and vessels in Mongolic languages. *Oriental Studies*, no. 3, pp. 110–114. (In Russ.)

Budazhapova, L. B. (2012) *Buddhist Terms in Contemporary Buryat Language*. Ed. by E. R. Radnaev. Ulan-Ude, Buryat State University. 104 p. (In Russ.)

Budazhapova, L. B. and Kharanutova, D. Sh. (2023) Borrowed Buddhist vocabulary in the Mongolic languages. *Sociolinguistics*, no. 2 (14), pp. 64–78. (In Russ.)

Vorkachev, S. G. (2004) *Happiness as a Linguocultural Concept*. Moscow, Gnosis. 236 p. (In Russ.)

Esenova, T. S. (2012) Tsä / Tea. In: *Essays on the Linguoculture of the Kalmyks*. Ed. by G. Ts. Pyurbeev. Elista, Kalmyk University Press. 159 p. Pp. 84–101. (In Russ.)

Esenova, T. S. and Esenova, G. B. (2012) Eejin tsä as a precedent phenomenon of Kalmyk linguoculture. *Uralo-Altaiskie issledovaniya*, no. 2, pp. 7–14. (In Russ.)

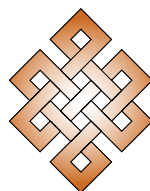
Esenova, T. S. and Esenova, G. B. (2025) Denotations of Buddhist clergymen in the Kalmyk language. In: *Language, Folklore, Literature of Mongolic Peoples in the Context of Traditional Culture*. Eds. by E. P. Bakaeva et al. Elista, Kalmyk Scientific Center RAS. 188 p. Pp. 64–69. (In Russ.)

Zamaletdinov, R. R. and Khusnullina, G. N. (2014) Linguocultural features of dish and kitchenware names in the Tatar language. *Philology and Culture*, no. 4 (38), pp. 95–100. (In Russ.)

Zhukovskaya, N. L. (1988) *Categories and Symbolism in the Traditional Culture of the Mongols*. Moscow, Nauka. 195 p. (In Russ.)

Karasik, V. I. (2009) *Linguistic Keys*. Moscow, Gnosis. 405 p. (In Russ.)

Karbusheva, I. V. and Lidzhiev, A. B. (2021) Metaphoric images of kitchenware and dish vocabulary in Mongolic languages. *Vestnik Instituta*, no. 2(43), pp. 104–108. (In Russ.)

- Krasavsky, N. A. (2001) *Emotional Concepts in German and Russian Linguocultures*. Volgograd, Peremena. 495 p. (In Russ.)
- Kuular, E. M. (2012) *The Southeastern Dialect of Tuvan Language*. Kyzyl, RIO TuvGU. 213 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Cultural Concepts: Form, Idea, Social Regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>
- Nurmukhametova, R. S. (2014) Word-formation features of culinary vocabulary in Tatar language. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (40), pp. 121–123. (In Russ.)
- Nurmukhametova, R. S. and Khusnullina, G. N. (2016) National-cultural specifics of Tatar tea drinking: names of dishes and food. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 9, pp. 156–158. (In Russ.)
- Radlov, V. V. (1893) *A Dictionary of Turkic Dialects*. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 320 pp. (In Russ.)
- Rassadin, V. I. (2017) Common Mongolic vocabulary in the category of interior, household goods and dishes in Khakas, Buryat and Kalmyk languages. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, vol. 33, no. 1, pp. 97–101. (In Russ.)
- Rassadin, V. I., Trofimova, S. M. and Tuvshintogs, B. (2017) Turko-Mongolic parallels among material culture terms in Mongolic languages (clothing, housing, home utensils). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2 (115), pp. 101–106. (In Russ.)
- Rassadin, V. I. and Tsirenova, D. B. (1996) Vocabulary of Material Culture of Okinskie Soyots. In: *Problems of Buryat Dialectology*. Ed. by V. I. Rassadin. Ulan-Ude, BSC RAS SB RAS. 159 p. Pp. 58–99. (In Russ.)
- Sangadzhieva, D. V. (2024) Artistic Decoration of Wooden Items in the Decorative Applied Art of Kalmykia: Traditions and Modernity. *Nasledie vekov*, no. 1 (37), pp. 97–112. (In Russ.)
- Slyshkin, G. G. (2004) *Linguocultural Concepts and Metaconcepts*. Volgograd, Peremena. 340 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2004) *Constants. Dictionary of Russian Culture*. Moscow, Akademicheskii Proekt. 3rd ed. 992 p. (In Russ.)
- Stepanov, Yu. S. (2007) *Concepts. The Thin Film of Civilization*. Moscow, Languages of Slavic Culture. 246 p. (In Russ.)
- Khairutdinova, T. Kh. (2000) *Everyday Vocabulary in Tatar Language (dishes, utensils, household items)*. Kazan, Fiker. 128 p. (In Russ.)
- Kharanutova, D. Sh., Budazhapova, L. B. and Baikalov, N. S. (2023) Borrowed Buddhist vocabulary of the Buryat language in historical-linguistic perspective. *Mongolovedenie*, vol. 15, no. 4, pp. 742–756. (In Russ.)
- Khusnullina, G. N. (2016) Ways of forming names for dishes and kitchenware in the Tatar language. *Philology and Culture*, no. 4 (46), pp. 82–86. (In Russ.)
- Shagdarov, L. D. (2011) The Buddhist Lexical System in Modern Buryat Literary Language. *Vestnik BNC SO RAN*, no. 3, pp. 177–184. (In Russ.)
- Shagdarova, D. L. (2016) Buddhist vocabulary and terminology and the problem of their translation. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3–1(57), pp. 192–195. (In Russ.)

Submission date: 22.07.2025.

Acceptance date: 23.09.2025.